

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Валерии Алексеевны Денисенко
«Формы проявления разномыслия в русской прозе 1970-х годов»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности
10.01.01 – русская литература

Актуальность выбранной В.А. Денисенко темы не вызывает сомнений – культура 1970-х годов в последнее время находится в центре исследовательского внимания. Об этом свидетельствуют и поток мемуарно-автобиографической литературы, посвященной этому периоду, и многочисленные научные работы (большая их часть проаннотирована или упомянута во Введении к диссертации), и темы научных конференций и семинаров. Название одной из недавних конференций, посвященной «долгим 1970-м» (Санкт-Петербург, Европейский университет, сентябрь 2016), примечательно обнаруживает одну из главных проблем в их изучении – «Период застоя? Эпоха Брежнева 35 лет спустя». Вопросительный знак в заглавии – одно из многочисленных доказательств изменения оптики в восприятии той эпохи: определения брежневского периода, возникшие в 1970-е или позднее, в перестройку, ныне проблематизируются исследователями, которые уточняют идеологические и историко-культурные контексты использования этих дефиниций, вырабатывают новые языки описания. Рассматриваемая диссертационная работа вписывается в отмеченную тенденцию – ее автор тоже пытается найти угол зрения, который позволит при анализе «долгих 1970-х» отойти от привычной антитезы «советского» и «антисоветского», «официального» и «неофициального». Теоретическая и историко-литературная ценность подобного подхода очевидна, ибо он дает возможность не только каталогизировать и критически осмыслить уже наработанное исследователями, но предполагает формулирование собственных аналитических установок.

Внимание диссертанта сосредоточено, в основном, на анализе литературных текстов и обстоятельств их появления в печати (при этом рассматриваются как произведения, вызвавшие пристальный интерес литературоведов – «Пушкинский дом» А. Битова, «Школа для дураков» Саши Соколова, так и оставшиеся на периферии исследовательского внимания – например, «Мой дедушка – памятник» В. Аксенова, ряд романов из серии «Пламенные революционеры»). Большинство из проанализированных в диссертации художественных текстов интересуют автора как пример поддержания одних культурно-идеологических конвенций и нарушения других, лавирования между «нормативным» и «ненормативным», «дозволенным» и «крамольным». Структура

работы, состоящей из введения, двух глав и заключения, отражает интерес диссертанта к такого рода гибридным феноменам, или, иначе говоря, к различным аспектам *разномыслия*, которое, по мнению В.А. Денисенко, играет конституирующую роль на уровнях тематики, поэтики, издательских практик и читательской рецепции.

Концепция, предложенная в диссертационном исследовании В.А. Денисенко, сводится к следующему: определяющей характеристикой интеллигентской культуры «долгих 1970-х» является разномыслие, то есть сложившаяся «в государстве авторитарного типа» форма сознания, «подразумевающая частичное отклонение от конституирующей это государство идеи, но не предполагающая полного ее пересмотра» (с. 16). Сам термин «разномыслие» взят диссертантом из работ социологов (прежде всего, книги Б.М. Фирсова «Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практика», СПб., 2008), где он использовался, в основном, для характеристики деятельности и умонастроений малых групп. Правда, Фирсов обосновывал представления о разномыслии, противопоставляя это понятие по большей части *единомыслию*, которого государство старалось добиться, дисциплинируя и контролируя собственных граждан, и вместе с тем *двоемыслию* – практикам ускользания от дисциплинаризации и контроля. Диссертант же, сосредоточенный на изучении брежневской эпохи, в большей степени обращает внимание на еще один смысловой акцент в понятии «разномыслие», которое может и должно быть противопоставлено *инакомыслию*, соотнесенному в работе по преимуществу с более или менее откровенными проявлениями диссидентства и «крамолы». Иначе говоря, автору диссертации важнее, что разномыслие фиксирует наличие некоего «третьего пути», отличного от следования идеологическим стандартам («советское») и от сознательного сопротивления им («антисоветское»), от открытого диссидентства и от коллаборационизма. Впрочем, в дискуссиях, сопровождавших выход книги Фирсова, упоминалось как раз о том, что в некоторых контекстах разномыслие и инакомыслие разграничить довольно сложно (см., например, реплики В. Воронкова и Н. Копосова – Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008). Стенограмма презентации книги Бориса Фирсова. URL: <http://polit.ru/article/2009/03/06/raznomysl/>).

По мысли В.А. Денисенко, разномыслие может стать категорией, которая позволит «максимально емко охватить противоречивые явления литературного процесса 1970-х годов» (с. 160): с ее помощью можно охарактеризовать «политику газет и журналов», «издательские стратегии в отношении выхода ряда произведений <...>; тактику критики и литературоведения в осмыслении советской, русской классической и западной художественной словесности; появление в “неофициальной” печати текстов “официальных” писателей и сотрудничество “неофициальных” авторов в “официальных”

изданиях» (с. 18). В подтверждение эпистемологической и инструментальной ценности этой категории автор диссертации демонстрирует, как разномыслие становится темой и фактором, определившим художественную структуру романа В. Аксенова «Ожог», свойством творческой рефлексии (об этом идет речь на примере романа Саши Соколова «Школа для дураков») и, наконец, структурообразующим принципом, наиболее последовательно реализованным в процессе создания и публикации романа А. Битова «Пушкинский дом». Кроме того, диссертант довольно подробно описывает приемы, при помощи которых разномыслие выражает себя по большей части в «нормативных» для позднесоветской культуры, идеологически «нагруженных» жанрах (беллетризованные биографии, выходявшие в серии «Пламенные революционеры», или повести для подростков, предполагавшие неременный «воспитательный эффект»). Если принять авторское определение разномыслия и, как следствие, согласиться с универсализацией данного понятия, то следует признать, что выстроенная в диссертации концепция вполне логична и последовательна. Столь же очевидно, что автор исследования, несомненно, владеет самыми разнообразными навыками филологической работы (начиная с глубокой осведомленности в истории вопроса и заканчивая умением прояснять поэтологическую специфику текста). Тем не менее, сама по себе концепция разномыслия и, что важнее, специфика ее применения к анализу культурных (литературных) артефактов вызывает ряд вопросов и, на мой взгляд, требует ряда уточнений и оговорок теоретико-методологического характера.

Так, диссертант во введении отмечает, что, возникнув в работах социологов и социальных философов, термин «разномыслие» применялся впоследствии при осмыслении творческого поведения и литературной среды (в частности, на с. 24 упомянуты статьи историка диссидентского движения А. Даниэля и социолога Е. Здравомысловой). Думается, что использование данного термина в литературоведческой аналитике (особенно, если речь заходит о структуре художественного текста) требует, с одной стороны, более развернутых обоснований, с другой, дополнительных ограничений.

К примеру, не очень ясно, существует ли для диссертанта разница в использовании понятия «разномыслие» применительно к характеристике

- 1) группы (в данном случае эта группа определяется довольно общо – «интеллигенция» или «интеллигенция столиц» (с. 7), противопоставляемая, с одной стороны, власти, с другой стороны, «консерваторам»),
- 2) индивидуального творческого сознания,
- 3) литературного персонажа (лица фикционального).

Так, в работе говорится о «разномыслящем герое» Саши Соколова (с. 63); утверждается, что Аксенов в «Ожоге» запечатлел «типичного “разномыслящего” представителя интеллигенции 1970-х» (с. 45), а структура «Пушкинского дома» отразила «разномыслие, свойственное как самому Битову, так и его окружению» (с. 66). Между тем, отсутствие теоретической внятности в употреблении термина «разномыслие» было отмечено рецензентами еще по отношению к работе-«первоисточнику» – монографии Б.М. Фирсова (например: «следует подчеркнуть, что разномыслие есть черта, модус именно социума или группы, но не личности, не индивида. Личность интериоризует или продуцирует “разные” мысли, но отождествлять это с разномыслием социума никак нельзя»). URL: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/analekseev-sociolog/volnodumcy-i-inakodejstvujuschie>), однако в диссертации нет комментариев, которые бы специфицировали использование концепта «разномыслие» для анализа, во-первых, сознания и культурных практик сообществ, во-вторых, поведенческих стратегий отдельных авторов, в-третьих, поэтики произведений. В итоге, на мой взгляд, в работе остается не проясненным различие между разномыслием как темой и разномыслием как «свойством творческой рефлексии» (тем более что в разделе о «Школе для дураков» разномыслие названо еще «проблемой и темой» (с. 66)). Попытка объяснить разномыслием Соколова соединение в его произведении модернистских элементов и элементов одного из ключевых жанров соцреализма – «романа воспитания» тоже вызывает вопросы, поскольку здесь разномыслие фактически редуцируется до обозначения принципов (пост)модернистской эстетической эклектики. Как следствие, границы этого понятия оказываются крайне подвижными, а его содержание – слишком широким.

Другими словами, разномыслие подчас «работает» в диссертации не столько как эвристическая категория, сколько как номинативная (то есть под нее «подводятся») процессы и явления разной природы – от редакционной политики серии «Пламенные революционеры» до трансформации жанровой структуры философской притчи в «Кроliках и удавах» Ф. Искандера). Но насколько эффективно использовать один и тот же термин в качестве дефиниции и аналитической категории по отношению к сложному переплетению конформистских и неконформистских писательских стратегий (например, при публикации Битовым «Пушкинского дома»), взаимодействию разных эстетических систем (в поэтике «Школы для дураков») или сочетанию противоречивых эмоций, образов будущего и мотивов поведения в сознании главного героя (в том же романе Саши Соколова)? Мне представляется, этот вопрос можно обсуждать и в связи с работой В.А. Денисенко, и в более широком теоретическом контексте.

Высказанные замечания не меняют положительной оценки рассматриваемой диссертации: работа В.А. Денисенко является самостоятельным и квалифицированным научным трудом, обнаруживающим внимательную проработку диссертантом поставленной проблемы, способность ориентироваться в большом объеме информации, хорошее владение необходимым филологическим инструментарием. Диссертация «Формы проявления разномыслия в русской прозе 1970-х годов» представляет собой научно-квалификационную работу, которая предлагает решение задачи, связанной с концептуализацией литературной жизни «долгих 1970-х», а также выработкой и апробацией новых категорий ее описания. Данная задача является одной из приоритетных для развития современного отечественного литературоведения, в частности, литературно-социологических штудий. Работа соответствует всем требованиям, изложенным в действующем «Положении о присуждении ученых степеней», а ее автор, Валерия Алексеевна Денисенко, заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

9 января 2017 г.

Разувалова Анна Ивановна,
кандидат филологических наук, 10.01.01,
ведущий научный сотрудник
Центра теоретико-литературных
и междисциплинарных исследований
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
199034, г. Санкт-Петербург,
наб. Макарова, 4, <http://www.pushkinskiydom.ru/>
(812) 328-19-01
+ 791 004@yandex.ru

